

Татьяна Матасова: Как правильно сравнивать Новгород и Венецию?

Tatiana Matasova (Lomonosov Moscow State University, Russia):

How to compare Novgorod and Venice correctly?

DOI: 10.31857/S2949124X24060043, EDN: RMZRWJ

Перед исследователем, размышляющим об особенностях развития России и Запада в их сопоставлении, открывается ряд возможностей. Чаще всего учёные идут по традиционному пути изучения многообразного опыта взаимодействия двух миров в сфере дипломатии, военного дела, торговли и культуры, выявляя черты сходств и различий, нередко в рамках парадигмы «свой–чужой». Этот путь уже давно показал свою эффективность: как справедливо писал М.М. Бахтин, «я и другой есть основные ценностные категории, впервые делающие возможной какую бы то ни было действительную оценку»³⁷. Другой путь состоит в выявлении тех ориентиров или элементов сопоставляемых культур, которые можно сравнить типологически, даже если хронологически их существование не вполне совпадает³⁸. Большое значение в этом случае имеет разработка адекватной методологии сопоставления и обоснование выбранной исследовательской стратегии. Несмотря на очевидные сложности, специалисты в последние годы всё чаще идут этой дорогой: мысль о принципиальной возможности подобных исследований уже не вызывает сомнений. Среди избравших эту стезю выделяется П.В. Лукин, известный специалист по истории средневекового Новгорода.

Учёный поставил перед собой масштабную и уже в силу этого весьма сложную задачу сравнения особенностей социально-политического развития Новгорода и Венеции. В начале работы им выдвинут тезис о том, что «Новгород можно сравнивать с Венецией, и такое сравнение может быть наиболее плодотворным» (с. 13). Предпринятое исследование представляет собой развёрнутое обоснование этого утверждения. Автор стремится ответить на вопрос, «можно ли осмыслять политический строй Великого Новгорода в общеевропейском контексте и, конкретно, как вариант европейского коммунального (республиканского) городского строя» (с. 14). Поиск ответа на вопрос о том, какое место занимала средневековая Русь среди государств Европы, не только в области практики двустороннего взаимодействия, но и в области сходств и различий в становлении и развитии общественных отношений и политических институтов, осуществлённый на конкретно-историческом материале, принадлежит к числу исключительно важных задач.

Здесь уместно вспомнить, что не так давно вышла книга А.А. Вовина о средневековом Пскове, во многом, как можно думать, вдохновлённая работами Лукина³⁹. Вовин поставил во многом аналогичную задачу – рассмотреть

³⁷ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 163.

³⁸ Плюханова М.Б. «Плач Богородицы» флорентийский и поморский: типологическое сравнение // Ad virum illustrem. К 70-летию Михаила Леонидовича Андреева. М., 2020. С. 613–635; Матасова Т.А. Европейский север и северо-восток в представлениях русских и итальянцев в XIV – начале XVI вв. // Средневековая Русь. Вып. 10. М., 2012. С. 332–367; Матасова Т.А., Шапов Т.К. Прп. Сергей Радонежский и св. Франциск Ассизский: опыт сравнения идеалов святости по материалам агиографии // Средневековая Русь. Вып. 15. М., 2022. С. 69–116.

³⁹ Лукин П.В. Новгородское вече. М., 2014; Лукин П.В. Новгородское вече в XIII–XIV вв. Историографические построения и данные ганзейских документов // Споры о новгородском вече...

Псков в контексте общеевропейского коммунального развития, вписать «младшего брата Великого Новгорода» в широкую панораму европейской истории⁴⁰. По мнению исследователя, Псков, несмотря на некоторые черты внешнего сходства с европейскими городами-коммунами, развивался по особому пути⁴¹. Главными отличиями стало отсутствие во Пскове рецепции римского права (по отношению к Новгороду это ёмко сформулировал Лукин (с. 47)), а также не-ассоциированность псковских политических практик с церковным правом. Вовин пришёл к обоснованному выводу о том, что «Псков и Новгород, лишённые возможности черпать новые-старые формы из языка и практик церкви и античных источников, не могли сдвинуться с уровня ранней коммуны (существовавших в Европе до начала XIII в. — *Т.М.*) и слабого варианта города-государства»⁴². Словом, книга Вовина — интересный опыт комплексного рассмотрения псковских реалий в общеевропейском контексте.

Учитывая подобную историографическую ситуацию, нет сомнений в том, что крупное исследование общественно-политического развития Новгорода в его сопоставлении с венецианским кажется насущной задачей, тем более что сам этот вопрос поставлен в историографии давно.

В книге Лукина представлен последовательный историко-сравнительный анализ, который осуществлён с традиционно присущей автору обстоятельностью. Исследователю удалось преодолеть «романтическое» восприятие поставленной проблемы, отказавшись от упрощённого её понимания («две торговые республики эпохи Средневековья должны быть похожи»). Будучи тонким знатоком русских источников и блестяще ориентируясь в свидетельствах венецианских документов, Лукин не позволяет себе схематизма суждений и выводов: он стремится реконструировать реальность во всём её многообразии. Исключительная эрудиция автора способствует успешной реализации этого стремления.

Занимаясь столь тонкой темой, автор с большим вниманием подходит к проблеме дефиниций, подчёркивая, что под термином «республика» понимается не «народовластие» с присущим ему демократизмом (ни того ни другого ни в Новгороде, ни в Венеции не было, как доказано автором в других работах), а «политический строй, основанный на власти сообщества, включающего в себя полноправное население, которое осуществляет свои полномочия через коллегиальные органы (собрания, советы) и выборных магистратов. Под республиканской идеологией будет поэтому пониматься такая эксплицитно сформулированная система взглядов, которая призвана обосновать право этого сообщества на автономное существование и наличие у него соответствующих институтов» (с. 21).

Состоящая из отдельных очерков книга обладает несомненным смысловым и методологическим единством. Лукин последовательно сравнивает «политический народ» и «народные собрания» в Новгороде и Венеции, подробно останавливается на конфликтах и способах их разрешения в двух государствах, и, наконец, отвечает на вопрос, почему в Новгороде не сложилось республиканской идеологии, подобной венецианской (что, в конечном счёте, стало важной причиной заката новгородской независимости). Каждый из этих крупных

С. 10–60; Лукин П.В. Средневековая «демократия»: «народные собрания» в Новгороде и Венеции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 4. С. 23–41.

⁴⁰ Вовин А.А. Городская коммуна средневекового Пскова. XIV — начало XVI в. СПб., 2019.

⁴¹ Там же. С. 370.

⁴² Там же. С. 384.

вопросов, поставленных и раскрытых на богатом материале конкретных случаев, можно разбирать обстоятельно и скрупулёзно. Не ставя перед собой сколь масштабной, столь и амбициозной задачи, я обращаю внимание на некоторые сюжеты, которые мне показались наиболее интересными в силу специфики моих собственных научных разысканий.

Большую ценность представляют размышления над истоками, характером и пределами власти дожа в Венеции и высших должностных лиц Новгорода. Лукин приводит важное свидетельство первой половины XVI в. Г. Контарини, описывающего власть дожа как наделённую монархическими чертами: «Царскую власть [в Венеции] олицетворяет дож... который избирается не на определённое время, а пожизненно, и даже внешне напоминает монарха, выражая такое же достоинство и важность. Прочие граждане оказывают дожу царские почести, и все законы, указы и другие государственные постановления издаются от его имени» (с. 33). Это известие источника весьма значимо для историка России, поскольку русские дипломаты и книжники XV–XVII вв. называли венецианского дожа исключительно «князем» или «дукой» (лат. *duca* – военный вождь, от этого слова произошли термины *doge* – «дож» и *duca* – герцог), характеризуя таким образом власть дожа как монархическую⁴³. Интересно, что и в гораздо более позднее время, на излёте XVII в., когда уже имелась довольно серьёзная традиция русско-венецианского взаимодействия, П.А. Толстой и Б.П. Шереметев также называли дожа «князем»⁴⁴. Лукин же использует свидетельство Контарини для доказательства вывода, более значимого в контексте его исследования: «Если смотреть на фигуру дожа из новгородской перспективы, то полного соответствия в новгородской политической системе ему не находится, но можно сказать, что он объединяет в себе черты князя (особенно раннего периода, когда князей, хотя формально и не избирали, но могли пригласить или изгнать) и выборного посадника» (с. 34).

В связи с этим любопытными и приобретающими новый смысл кажутся приведённые в книге факты, свидетельствующие о том, что в Венеции дож вполне мог быть изгнан за такие, на первый взгляд, странные вещи, как охвативший город мор (с. 137–141). Это, кстати, роднит Венецию не только с Новгородом (где со скандалом – «буквально в шею», как пишет Лукин (с. 138) – в 1228 г. изгнали архиепископа Арсения), но и со Псковом, где с образом князя – даже вполне успешного в военном отношении – могли связать начало морового поветрия и потому изгнать (а после окончания мора вновь пригласить на княжение). В.А. Аракчеев подчёркивает сакральность фигуры князя во Пскове, причём «свою праведность ему (князю. – Т.М.) необходимо было доказать, а важнейшим доказательством была милость Божья к жителям Пскова. Особую роль благочестие князя играло во время эпидемий»⁴⁵.

Тем не менее, Лукин вовсе не пытается утверждать полное тождество разобранных им в книге эпизодов новгородского и венецианского «изгнаний за мор», отмечая существенное различие: изгнание представителей власти в Нов-

⁴³ Матасова Т.А. Итальянские политические реалии в русских источниках конца XV – начала XVI в. // Европейское Возрождение и русская культура XV – середины XVII в.: контакты и взаимное восприятие. М., 2013. С. 83–85.

⁴⁴ Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе 1697–1699 гг. М., 1992. С. 52, 104; Путешествие по Европе боярина Б.П. Шереметева 1697–1699 гг. М., 2013. С. 49.

⁴⁵ Аракчеев В.А. Средневековый Псков: Власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII веках. Псков, 2004. С. 40–42.

городе обретает в устах летописцев «сложную провиденциалистскую трактовку» (с. 138), вполне традиционную для русской культуры той поры⁴⁶, тогда как венецианские источники этих мотивов практически лишены. Бытовавшая в Венеции поговорка, отражающая самосознание жителей Светлейшей республики, *prima veneziani poi cristiani* (в первую очередь — венецианцы, а потом христиане), подчёркивает эти реалии. Тем не менее важной и обоснованной кажется мысль Лукина, сопоставившего венецианские и новгородские известия о таких изгнаниях: «Общего в венецианских и новгородских волнениях и их описаниях больше», поскольку эти события «связаны с народными собраниями, причём оба были инициированы самими их участниками, а не должностными лицами или элитой» и, более того, были ими «легитимизированы или урегулированы» (с. 142). Бурная республиканская стихия Новгорода в сопоставлении с венецианскими порядками начинает играть новыми и непривычными красками, выступая как славянский «извод» общеевропейской традиции, также не лишённой ожесточённой борьбы, порой по экзотичным по сегодняшним меркам поводам.

Весьма значимыми представляются и размышления Лукина над сутью, казалось бы, привычного понятия «весь Великий Новгород». Автор отмечает, что обозначаемое таким образом новгородское «политическое сообщество» соответствует социально-политическим реалиям Венецианской республики. Это наблюдение стало возможным во многом благодаря тому, что Лукин умеет оценить подлинное значение редких и даже уникальных свидетельств зарубежных источников, которые на первый взгляд носят «проходной» характер. Обратимся к рассуждениям, приведённым в книге: «Когда в 1417 г. ганзейскому переводчику пришлось переводить на средненижненемецкий язык послание ливонским городам новгородского архиепископа, он при передаче, очевидно, выражения “весь Великий Новгород” использовал формулу *gantze gemeyne Grote Nougarden*, которая является точным соответствием латинского *cunctus communis N...* А именно это сочетание эпитетов использовалось... по отношению к венецианскому политическому сообществу. Очевидно, ответ на вопрос, почему в Венеции возникло обобщающее понятие *commune* из *communis*... а с древнерусским “весь” такого не произошло, следует, скорее, искать в сфере лингвистических, а не социально-политических различий» (с. 69). В фокусе внимания Лукина — терминология, анализируемая сквозь призму поиска явных и скрытых историко-культурных коннотаций.

Конечно, в этой связи автор вынужден обратить внимание на «неразвитость политического языка» в Новгороде (с. 87), отсутствие устойчивых понятий для обозначения «коммунальных» реалий, что, тем не менее, не означает отсутствия этих реалий как таковых. Тезис Лукина о том, что «при всех различиях между Новгородом на Волхове и Венецией, расположенной на островах Адриатического моря, породили сопоставимые политические формы» (с. 107) доказан в книге, кажется, основательно.

Интересным кажется и представленное в монографии сопоставление свидетельств о небесных покровителях Новгорода и Венеции — Софии Премудрости Божьей и святого Марка⁴⁷. Лукин справедливо отмечает, что почитание

⁴⁶ Лаушкин А.В. Провиденциализм как система мышления древнерусских летописцев (XI–XIII вв.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

⁴⁷ Данная часть монографии является расширенной версией статьи: Лукин П.В. Святой Марк и святая София: республиканские патрональные культы в Венеции и Новгороде // Восточная Европа в древности и Средневековье. Вып. 33. М., 2021. С. 173–178.

святого Марка в Венеции и святой Софии имеет ряд сходных черт, поскольку обусловлено общей задачей поиска небесного покровителя не просто конкретных территорий, но и в каком-то смысле покровителя их самостоятельности, символического гаранта их «полноценности» как политических субъектов. В этом отношении показательно, что венецианцы всегда подчёркивали их равное положение с самим Римом (с. 214). Но ещё более важной в контексте русской истории представляется мысль о том, что «новгородское политическое сообщество, являвшееся “сувереном” Новгорода, нуждалось в святом патроне так же, как и “суверены” — личности: короли и князья. Однако у св. Софии (избранной на эту роль. — *Т.М.*) очень плохо обстояло дело с материальной составляющей культа: не было ни мощей, ни прочих реликвий, ни даже образа, что затрудняло (в отличие от Венеции. — *Т.М.*) создание и соответствующего республиканского церемониала... При этом сам характер культа провоцировал новгородцев представить Софию в качестве личности, и... в итоге нечто подобное появилось. Речь идёт о довольно загадочном новгородском изводе Софии — Премудрости Божьей в виде “огнезрачного ангела” — крылатой фигуре в *царском* венце (курсив мой. — *Т.М.*)» (с. 228–229). Функция князя в Новгороде — столь сложная с точки зрения идеологии, особенно в XV в., когда московские правители уже вовсю смотрели на Новгород как на объект присоединения, — смотрится иначе, если учесть этот компаративный опыт.

В заключении Лукин рассуждает о том, что в Новгороде можно заметить довольно много черт, присущих и социально-политическому строю Венеции, однако им не удалось в полной мере развиваться из-за недостатка исторического времени. При этом автор пытается показать, что Новгород представлял собой не «недоделанный» вариант «полноценного» европейского развития, а являлся *особым типом* социально-политического устройства, которое, тем не менее, смотрится вполне органично в общеевропейской панораме. В этом смысле Лукин подводит солидную доказательную базу под тезис В.Л. Янина о том, что Новгород — это «Северная Венеция» русского Средневековья⁴⁸. Это весьма показательно, учитывая полемику Лукина с Яниным по вопросу о составе веча. Мне близки приведённые в книге наблюдения Лукина о причинах падения Новгородской республики, хотя Венеция уже самим фактом своего длительного существования доказала, что олигархическая республика может оказаться вполне жизнеспособной. Лукин полагает, что «в конкретной ситуации второй половины XV в. вечевая стихия... не помогла, а скорее помешала выживанию республики. Точно также вряд ли помогло Великому Новгороду отсутствие внятных символов и идеологии своей независимости, которые можно было бы, так сказать, “пощупать руками” и за которые стоило бы умирать» (с. 251–252). В этом смысле образ Софии Премудрости Божьей — во многом таинственный, располагающий к серьёзным богословским и не лишённым мистицизма размышлениям о его природе, уступал с точки зрения решения прикладных политических задач венецианскому почитанию святого Марка, на редкость «конкретному» и потому хорошо вписывающемуся в мирские контексты.

По прочтении книги сложно не согласиться с автором в том, что «*именно сопоставление с Венецией*» (курсив мой. — *Т.М.*) показывает, что аристократический элемент в древнерусской истории, последовательно третируемый в отечественной историографии самых разных направлений (достаточно вспомнить

⁴⁸ Янин В.Л. Расцвет и падение русской Венеции // Родина. 2003. № 12. С. 9–15.

хотя бы глубоко укоренившиеся представления сталинского периода о реакционных боярах — сторонниках “феодалной раздробленности”), недооценивался напрасно (а возвеличивались либо “твёрдая рука” единоличного правителя-самодержца, либо идеальное “народовластие”, достичь которого никогда не получалось)» (с. 244).

Рассматриваемая монография П.В. Лукина — блестящий опыт типологического сопоставления новгородской и венецианской культур, двух примеров социально-политического развития средневековых государств, отличающихся оригинальностью форм. Книга представляет собой серьёзную веху в изучении такого рода проблематики как в конкретно-историческом, так и в методологическом смысле. Новизна выводов и наблюдений уже дают (и дадут в будущем) богатую почву для размышлений. Не сомневаюсь, что данное исследование о сходствах и различиях общественно-политического развития Новгорода и Венеции станет ориентиром для многих поколений учёных.